

Д. В. ЛУКЬЯНОВ

КОГНИТИВИЗМ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

В статье анализируется ситуация, сложившаяся в отечественной науке вокруг понимания парадигматических и эвристических возможностей использования когнитивизма как особой теории и практики «ремесла историка». В центре рассмотрения и аргументации автора – когнитивно-информационная модель гуманитарного познания, предложенная О.М. Медушевской. Эпистемологическая перспектива развития истории в качестве когнитивной науки видится автору в целом как стратегия и поиск новых онтологических оснований исторического познания.

Ключевые слова: когнитивизм, когнитивная история, историческая эпистемология, современная историография, научная онтология, источниковедение.

В современной гетерогенной науке историческая эпистемология не является общим и единым проектом, основанным на автономном историческом способе мышления и соответствующем методе познания, хотя многие видят в этом как раз одну из основополагающих причин очевидного уменьшения влияния исторического знания на повседневность¹. Отсутствие в историографии сколько-нибудь разделяемого всеми историками собственного «гранд-нарратива»² в целом приветствуется, но с рядом оговорок: результатом избавления от «эссенциалистской» традиции в мировой историографии стало появление неопределенного множества областей исследований, «которые прежде расценивались как простые “упоминания”, не имеющие значения для генеральной сюжетной линии истории»³.

Фрагментированная история вызывает беспокойство разве что у философов, как традиционных «местоблюстителей истины» (Ю. Хабермас), их как раз не устраивает диссипация существующего историографического дискурса в различиях интерпретаций прошлого, что и заставляет ставить перед собой ряд острых и неудобных вопросов: есть ли в целом потребность в знании о прошлом у современного человека; являются ли когерентными истине высказывания и интерпретации относительно прошлого, предлагаемые в рамках различных конструктивистских подходов; наконец, не может ли и вовсе исчезнуть сама история, став, наконец-то «строгой наукой»⁴. Но и в философском дискурсе о

¹ Мегилл. 2007. С. 297,302.

² Кукарцева. 2011. С. 7.

³ Мегилл. 2007. С. 299.

⁴ Знание о прошлом в современной культуре... С. 3-45.

«познании истории в ускользающем мире» мы находим спокойное понимание того, что «внятных, законченных и полностью признанных исторической наукой содержательно-сущностных концепций исторической эпистемологии пока нет»⁵.

Историографические «нулевые» между тем вполне определенно и четко можно охарактеризовать как все возрастающий и неослабевающий интерес к проблематике рассмотрения «когнитивных» оснований исторического познания и поиску парадигматических и эвристических возможностей использования когнитивизма как особой теории и практики «ремесла историка». Это прямо связано с творчеством О.М. Медушевской и выходом ее известной монографии⁶. Последняя представляет собою системное изложение «когнитивного репертуара» современной исторической науки с точки зрения непосредственной исследовательской практики историка-источниковеда.

В книге представлена *исключительная* в современной российской историографии историко-философская позиция построения «парадигмы истории как строгой науки». Направленная на выявление системных свойств исторической реальности, данная парадигма предполагает, что обеспечение фундаментальной идеи единства строгого научного знания – это, «прежде всего философия истории, философия человеческого бытия в истории», поэтому «проникновение философского подхода в исторический профессионализм в каждом своем проявлении есть событие становления когнитивной истории»⁷. В качестве главной интеллектуальной предпосылки выстраивания системы представлений об объекте и предмете когнитивной истории выступает философия истории⁸. Конкретнее, феноменологическая философия и феноменологический подход к рассмотрению исторических явлений (авторская рецепция идей А.С. Лаппо-Данилевского), которые, реализуя имеющийся инновационный потенциал «когнитивно-информационной модели», задают новые оптимальные и системообразующие параметры всему современному проекту гуманитарного знания и образования, придавая им качество фундаментальности.

Центральная идея автора книги заключается в том, что нет, и не может быть никакой *другой* истории кроме истории *человеческого мышления* (когнитивной истории), опыт его постижения на всем протяжении существования человечества является главнейшей проблемой науки. Мышление деятельно и интенционально по своей природе («универ-

⁵ Кукарцева. 2011. С. 14.

⁶ Медушевская. 2008.

⁷ Там же. С. 163.

⁸ Медушевская, Румянцева. 1997. С. 5.

сальное априори» человека), поэтому эмпирическим объектом актуальной (когнитивной) истории является вся совокупность целенаправленно созданных в ходе исторического процесса человеком продуктов интеллектуальной деятельности, через которые он «ежеминутно формирует свою рукотворную... новую реальность»⁹. Исследование возможностей и пределов человеческого мышления входит в представление о предмете когнитивной истории и позволяет изучить познавательный процесс по его осязаемым, вещественным и осознанным результатам. Выходит, что все исторические артефакты мышления (общая конфигурация «зафиксированных» источников, произведенных в результате творческой и познавательной деятельности), и исследовательская стратегия историка-когнитивиста, направленная на рассмотрение проблемы «мышления о мышлении» той или иной эпохи, по определению, обратимы.

Логика историка-когнитивиста выстраивается на утверждении господства в ней различного рода *всеобщностей*, которые, с одной стороны, обуславливают единство назначения, структуры и функционирования «информационного ресурса» общественного сознания и исторического знания во всех моментах истории социума; с другой – призваны показать, что исторический процесс остается познаваемым, телеологичным и в целом открытым, и доступным для рационального осмысления. Все базовые понятия концепции когнитивной науки обладают системными качествами («Когнитивная история в своих основаниях претендует на системный подход»¹⁰), что само по себе артикулирует в поле научной истории актуальнейшие проблемы современной философии науки¹¹.

В науковедении под системой понимают то, что способно отличать себя от внешней среды и постоянно воспроизводить эту границу на структурно-функциональном уровне взаимодействия своих подсистем (это общее место в современной системной теории, вне зависимости от научной специализации¹²). Применительно к исторической науке данный подход четко тематизируется – это «целостность и системность исторического процесса, как части мирового целого, принципы организации эволюционного и коэзистенциального исторического целого, перспективы и возможности исторического познания»¹³. Системный объект когнитивной парадигмы истории «мыслится как адекватный человечеству», в частности, представляет собою универсальную систему человеческого

⁹ Медушевская. 2008. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 270.

¹¹ Максимов. 2003; Баксанский. 2004. С. 276-308; Аверюшкин. 2005.

¹² Матурана, Варела. 2001; Луман. 2004.

¹³ Медушевская. 2008. С. 189.

мышления и деятельности, которая «ограничена» возможными пределами времени и места протекания исторического процесса. Историческая наука, выступая в качестве когнитивной «подсистемы» *наблюдает* единство исторического процесса как эпифеномен деятельности мышления индивидов, который представляет собою «воплощенный в материальный объект набор идей» и предстает как «информационный ресурс реальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности». Данный ресурс как раз и выступает для науки в качестве «макрообъекта», единицы которого (интеллектуальные продукты как материальные образы идей их авторов) наделены универсальными свойствами однородной общей совокупности сознаний индивидов, что позволяет идентифицировать его как единые реальные исторические проявления человеческого мышления, т.е. информационная система общества – «фундаментальное понятие для исследования способов самоорганизации человеческих сообществ в их статике и динамике»¹⁴. Более того, факт мышления сближается с понятием вещественно существующего объекта, эта «вещь» становится адекватным выражением мыслительной «деятельности человека в формах реализованного интеллектуального продукта», выступает как базовая процедура «схватывания механизма функционирования целого» и, наконец, является «точкой доступа в замкнутую систему общечеловеческой информационной опосредованной коммуникации»¹⁵.

Возникает резонный вопрос, как же когнитивная наука, являясь подсистемой самореферентной организации человеческого мышления, может адекватно распознавать и декодировать смыслы самой данной системы, опираясь только на процедуры структурного сопряжения с ней, результатом которых является обнаружение информационных продуктов ее жизнедеятельности. Ведь на уровне когнитивных практик подсистема науки выступает для человеческого мышления, говоря языком системной теории, лишь «наблюдателем первого порядка», но далеко не единственным и аутентичным, «непосредственно наблюдаемым». Репарка О.М. Медушевской звучит так: «Для получения точного проверяемого знания о системе в принципе необходим выход наблюдателя за пределы – структурно-функциональный подход»¹⁶.

Возникновение интеллектуальных продуктов изначально «имело свои рациональные основания» и поэтому, считает исследовательница,

¹⁴ Там же. С. 284.

¹⁵ В источниковедческих исследованиях такая точка зрения является теоретическим и методологическим обоснованием при изучении т.н. самооснов самосознания русской культуры. (Юрганов. 1998. С. 440.)

¹⁶ Медушевская. 2008. С. 222.

при всем разнообразии и даже уникальности их индивидуальных свойств в основе своей они содержат типологические модели и определенные структуры, т.к. в «теории произведения ключевое значение имеет момент сознательного целеполагания». Именно потому, что человеческое мышление исторично, а его атрибуцией служит «системообразующая составляющая» целеполагания, оно способно указать сущностное содержание, процессуальную форму и смысл истории. В аспекте целеполагания мышление обладает единой рациональной структурой (структура обозначена в книге как «устойчивые связи элементов в системе целого»), индивид «создает некий продукт по универсальной “схеме”», поэтому «возникает возможность понять другого по аналогии с самим собой»¹⁷. Так, на основании тезиса о том, что «единство сознания индивида проявляет себя в создании интеллектуального продукта, – заключает О.М. Медушевская, – можно построить научную гипотезу интерпретации», которая создается в обратном порядке: «от продукта к замыслу, для реализации которого продукт и был целенаправленно структурирован»¹⁸.

Гносеологические возможности истории как когнитивной науки находят свое полное развитие в вопросе об эмпирическом объекте наблюдения в гуманитарных науках. Согласованность представлений сообщества «прежде всего о своем объекте» Медушевская считает признаком парадигмальным, поскольку «позволяет далее применять общие критерии истинности и доказательности в оценке новых научных результатов». Феноменологический тезис о «целостности и системности окружающего мира» и принципиальной возможности выявления «универсальных свойств в эмпирике конкретных объектов» создает перспективу возможного складывания «метадисциплинарных связей» в системе когнитивных наук, в которых, однако, «источниковедческое направление выступает как все более значимое, актуальное, а в конечном счете как самодостаточное»¹⁹. Из этого следует, что фундаментальной когнитивно-информационной моделью гуманитарного познания является использующая источниковедческий подход феноменологическая «история как наука наблюдения», а под моделью образовательной автор исключительно «имеет в виду образовательную модель историко-архивоведения»²⁰.

Проблемы, поставленные О.М. Медушевской, приглашают к дискуссии вокруг возможностей применения оптимальных форм строгой

¹⁷ Там же. С. 225.

¹⁸ Там же. С. 292.

¹⁹ Там же. С. 186.

²⁰ Там же. С. 313.

рациональной репрезентации исторической реальности в контексте отечественного историографического процесса последних десятилетий²¹.

Очевидно, что с кризисом марксистской философии в конце 1980-х – начале 90-х гг. радикальной критике подверглись сами основания советской историографии²². Прежние инвариантные интерпретации структуры историко-научной картины мира оттеснила тогда т.н. «мультипарадигмальность» возможностей исторического познания, которая в академической науке была воспринята не иначе как свидетельство ее «кризиса». Поиск академической нормы «новой интегративной парадигмы исторического исследования»²³ и появление различных вариантов ее «большой истории» («метанарративов» и «метаисторий») в профессиональном сообществе воспринимались как показатель продуктивности и атрибут «социально-исторического оптимизма»²⁴ науки в целом.

В итоге дискуссий середины 1990-х гг. на фоне отрицания установки на «навязывание» историку какой-либо жесткой универсальной логической схемы была большинством поддержана «нестрогая» позиция: *новая теория исторического познания* будет отныне лишь учением «о процедурах толкования, которые вырабатываются в процессе самого исследования, как бы *ad hoc*, т.е. с учетом специфики источников и приемов их анализа»²⁵. И поэтому в целом далеко не случайно, что с изменением типа, характера, качества и границ историографической рефлексии (дискредитацией «объективной методологии» марксизма в науке), перспективы формирования *новой научной онтологии*, т.е. определенного представления об объектах исторической науки и особенностях путей «вхождения» данных объектов в науку, считающихся существенным компонентом научного познания в целом²⁶, стали разворачиваться в постсоветское время именно в области теоретического источниковедения.

Феноменология, как определяющий тип научной рефлексии и феноменологический подход, как общая и универсальная методология гуманитарных и естественных наук, признаются сегодня наиболее перспективными и концептуально открытыми, способными адаптироваться к специфической ситуации современных способов историзации знания на уровне философско-методологической рефлексии²⁷. Но в своем

²¹ «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской... Медушевский. 2009; и др.

²² *Скоробогачкий*. 1991. С. 12-106.

²³ *Лубский*. 2000. С. 27.

²⁴ *Зверева*. 2000. С. 334-338.

²⁵ *Гуревич А.Я.* 1997. С. 78.

²⁶ *Кордонский*. 1985. С. 111.

²⁷ *Пружинин*. 2009. С. 128.

крайнем выражении феноменологической рационализм способен превращаться в панлогическую конструкцию тождества исторического бытия и исторического мышления, в этом смысле порядок и связь идей, которые мы находим в монографии О.М. Медушевской, тождественны тому, каковы порядок и связь «вещей».

Человеческое мышление и сознание редуцируется когнитивистами к представлению о гуманитарном знании и познании, в которых точность, строгость и доказательность являются определяющими критериями, отделяющими науку от не(до)науки. В результате из поля зрения историка-когнитивиста ускользает огромный пласт работы ценностно-целевых установок в человеческом познании²⁸. «Социальное конструирование реальности как реальности индивида, стремящегося исключительно к потреблению, не плодотворно»²⁹, – пишет О.М. Медушевская, однако за этим как раз и видится «отнесение к ценности», которое выступает «извне» систематизации человеческого мышления и деятельности только как целенаправленных и осознанных совокупных интеллектуальных продуктов. Настаивая на том, что информационный ресурс представлен в овеществленной форме и позволяет понять цели, средства, способы создания и функционирования человеческого мышления, историк-когнитивист, тем не менее, не отказывается от понимания источника как продукта целенаправленной деятельности человека и ее познания, используя принцип признания «чужой одушевленности». Но в данном аспекте мы возвращаемся к идеям всеединства, когда предметом истории мыслилось «социально-психическое развитие всеединого человечества»³⁰. В «душевности» представители всеединства не видели «пространственной разъятости» и рассматривали человечество в единстве «его духовно-душевной деятельности»³¹, которая не конструировалась носителями данных идей из элементов («материальное» измерение человечества воспринимались лишь как средства и факты), но признавалась ими существующей изначально, констатация единства психики человечества была исходным моментом исследования³².

²⁸ Максимов. 2003. Гл. 4.

²⁹ Медушевская. 2008. С. 43.

³⁰ Карсавин. 1993. С. 98.

³¹ Там же. С. 97-98.

³² О.М. Медушевская пишет, что психика не отражается на реальности продукта, поскольку он – результат именно человеческой деятельности, которая социально обусловлена конкретно историческими условиями (Там же. С. 226), но это не мешает ей одновременно утверждать, что в своих человеческих механизмах психика, тем не менее, «типологически однородна» (Там же С. 223).

Выявить имманентный порядок вещей становится вполне решаемой задачей научного метода когнитивной истории, обеспечивающего «строгую научность» исторического знания, и все они подробно обосновываются О.М. Медушевской в постулатах «дисциплинарной онтологии» источниковедения.

Центральной в гуманитарном познании остается проблема соотношения субъекта и объекта: в работе историка-когнитивиста данное соотношение образует особый полифонический строй, особую социальную систему, которая, с одной стороны, сама себя наблюдает и идентифицирует как часть универсума (дифференциация человечества как «живой системы»), а с другой – самоорганизует и воспроизводит данную систему изнутри на структурно-функциональном уровне, через построение иерархии различных познавательных подсистем. Источниковедение как «самодостаточное... пространство исследований»³³ решает задачу «воссоздания системного целого» на структурном уровне изучения продуктов прошлого и создает адекватное представление о структуре мышления не только изучаемой эпохи в прошлом, но и – что особенно важно – *современности*. Преимущества системного подхода в когнитивной истории очевидны, когда «глобальная история совершается в режиме настоящего, единого времени», и в источниковедческих интерпретациях предстает не «диахронный (собственно исторический, уходящий вглубь веков), но синхронный тип исследования»³⁴ *со-временности*.

Важно отметить, что дисциплинарная онтология теоретического источниковедения ставит множество вопросов о существующих способах производства научного знания сегодня, в частности, об исключительном использовании в качестве приоритетных только рациональных способов репрезентации реальности: однозначная «генерализация» категории целеполагания для анализа исторического мышления не вполне очевидна (стратегий целеполагания может быть выработано сколь угодно много в определенную историческую эпоху, и они будут реально сосуществовать в условиях отсутствия единого представления о социальном проекте будущего³⁵); «наукоучение», смысл и продуктивность которого также сегодня не вполне очевидны в качестве основного компонента представлений себя сообществом в образовательной среде, и др.

Когнитивно-информационная теория О.М. Медушевской претендует между тем сегодня на статус «новой философской парадигмы гумани-

³³ Медушевская. 2008. С.101-102.

³⁴ Там же. С. 240.

³⁵ Кимелев. 2009. С. 24.

тарного познания»³⁶, а сама книга уже названа «классикой современной исторической науки»³⁷.

В основном, думается, что когнитивизм в исторической науке возвращает ученых к проблематике исследования современности, исходя из наблюдения за ней самой (подвергая при этом принцип историзма неумолимой критике как индикатора «традиционной» парадигмы «нарративизма»), к изучению саморазвивающейся системы с четкими структурами и функциями произведенных мышлением человека интеллектуальных продуктов, способу наблюдения и возможностям упорядочивать компаративно и целостно информационную картину настоящего, получая фундаментальное, философски ориентированное знание. Активное обсуждение в профессиональном сообществе норм и идеалов когнитивной истории является само по себе «историографическим фактом» и знанием, выявляющим системные свойства окружающей ученых реальности. Как появление источниковедения в XIX в. было обусловлено «становлением национально-государственной идентичности Нового времени»³⁸, так и появление теоретико-методологического трактата О.М. Медушевской «в снятом виде» обусловлено социокультурными детерминантами настоящего времени, что предполагает в перспективе системный подход к изучению структур и функций существования конкретного типа информационного общества, пребывающего сейчас в условиях преодоления т.н. когнитивного диссонанса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверюшкин А.Н.* Проблемы исторической теории в когнитивной практике и методологической рефлексии в XX столетии: автореф. дис...канд. филос. наук. М., 2005.
- Баксанский О.Е.* Система когнитивных наук // Системный подход в науке (к 100-летию Людвиг фон Бергаланфи). М., 2004. С. 276-308.
- Гуревич А.Я.* Двоякая ответственность историка // Новая и новейшая история. 1997. № 5.
- Зверева Г.И.* [рец.] «Большая» интеллектуальная история: текст и историографическая норма // Диалог со временем. 2000. Вып.3. С. 334-338.
- Знание о прошлом в современной культуре (мат-лы «кр. стола») // Вопросы философии. 2011. №8. С. 3-45.
- Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб.: АО "Комплект", 1993. 350 с.
- Кимелев Ю.А.* Западная философия истории на рубеже XX-XXI веков: Аналитический обзор. М., 2009.
- Кордонский С.П.* Построение научной онтологии // Проблемы методологии науки. Новосибирск, 1985.

³⁶ Медушевский. 2009.

³⁷ Сабенникова. 2009. С. 179.

³⁸ Медушевская. 2008. С. 150.

- «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2009. № . С. 131-165.
- Кукарцева М.А. Трансформация эпистем: познание истории в ускользающем мире. Вместо введения // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Отв. ред. М.А. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С.3-49.
- Лубский А.В. Классическая парадигма исторического исследования // История: научные поиски и проблемы (Памяти д.и.н., проф. А.П. Пронштейна). Ростов-н/Д., 2000.
- Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.
- Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОССПЭН, 2003. 160 с.
- Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 223 с.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
- Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории : учеб. пос. М., 1997. С. 5.
- Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 10. С. 3-22.
- Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70-92.
- Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. 423 с. (Humanitas)
- Сабенникова И.В. Рец. на книгу: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории // Российская история. 2009. С. 179. М. : РГГУ. 2008. 358 с.
- Скоробогачкий В.В. По ту сторону марксизма. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 268 с.
- Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: Ин-т «Открытое общество», 1998. 447 с.

Лукьянов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ; lukadmiv@mail.ru